

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

А. М. Кайгородов

ДЕРСУ УЗАЛА ИЗ ДЕБРЕЙ ТРЕХРЕЧЬЯ

(ВОСПОМИНАНИЯ О СТАРОМ ЭВЕНКЕ)

Уже в раннем детстве многих из нас захватывает любимый герой, который среди других людей выделяется какими-то необыкновенными, только одному ему присущими качествами. Своего героя мы любим, иногда ему завидуем, некоторые из нас стараются ему подражать.

Однако многие нашим герои — книжные, по большей части вымышленные. Мы никогда не встречаем в жизни своих кумиров (разве только в кино), и как бы ни увлекались ими с детства, со временем это увлечение проходит, и в лучшем случае о нем сохраняются лишь приятные воспоминания.

Я не был исключением, хотя и рос в глухой русской деревне, затерявшейся в отрогах Большого Хингана в Маньчжурии. Но я оказался счастливее многих других. Герой моего детства — личность вполне реальная. Я хорошо знал его и до сих пор отлично помню. Чем больше времени отделяет меня от той далекой поры, когда мы вместе бродили с ним по лесу, тем ярче предстает передо мной его образ, тем приятнее воспоминания о нем.

Это был старый эвенк Прокопий Петрович Бульдотов.

Я много раз перечитывал «Дерсу Узала» В. К. Арсеньева, не переставая восхищаться искусством сихотэ-алинского следопыта. Прокопий же Петрович был не просто следопытом, он не просто умел «читать» следы...

Немногочисленная группа эвенков с конца XIX в. кочевала со своими оленями в таежных дебрях Трехречья, по долине р. Быстрой с ее многочисленными притоками¹. Эти места богаты всевозможным зверьем. Эвенки вели здесь меновую торговлю с русскими крестьянами из левобережных приаргунских деревень, а когда русские заселили Трехречье, эвенки начали торговать с жителями двух самых верхних по Дербулу деревень — Дубовая и Ключевая. Несколько раз в году они выходили к Дубовой и разбивали легкие односкатные палатки в живописной местности на берегу говорливого, кристально чистого Дербукана. Здесь эвенки запасались необходимыми товарами и охотничьим снаряжением. Честные и миролюбивые охотники пользовались в русской деревне уважением и неизменно находили радушный прием в домах своих русских друзей.

По единодушному мнению русских старожилов Трехречья (еще с прошлого века хорошо знавших эвенков), самым необыкновенным из своих соплеменников был Прокопий Петрович Бульдотов. В 30-е годы он был

¹ См.: А. М. Кайгородов, Русские в Трехречье, «Сов. этнография», 1970, № 2.

же стар и болен. По-прежнему неутомимый в ходьбе, с хорошим зрением, он страдал от приступов сильного кашля и очень похудел. Осенью 1939 г. Прокопий Петрович был вынужден принять предложение моего отца и остаться на зиму в нашем доме в деревне.

В тот год я учился в четвертом классе дубовской начальной школы, и теперь в моих воспоминаниях о школьных годах именно эта зима представляется самой необыкновенной и самой интересной, так как она неразрывно связана с дружбой со старым эвенком.

В первые дни своего пребывания в деревне Прокопий Петрович чувствовал себя явно не по себе. Пока было еще тепло, он днем очень редко ставался в избе; эвенк с утра уходил к реке, где неподвижно сидел на берегу или бродил по пойменному лесу, собирая материал для мелких поделок. Дома он усаживался на поленья около плиты и острым охотничьим ножом вырезал деревянные чашки и ложки или мастерил нехитрые игрушки для младшего братишки и сестры. Старик был услужлив, присматриваясь к новому для него деревенскому быту, особенно к домашнему обиходу, старался быть полезным в меру своих сил. Он делал не только чашки и ложки, но и деревянные подставки под сковородки и котелки, мастерски приделывал деревянные ручки к поломанным ножам и вилкам, чинил рукавицы и перчатки.

Старый эвенк утром нередко провожал меня до школы, которая находилась примерно в километре от нашего дома, а вечером, когда я готовил уроки, сидел со мной рядом и перелистывал книги, которые я принес из небогатой школьной библиотечки. Его очень занимали картины, где изображались звери, птицы и сцены из охотничьей жизни. Рассматривая рисунки, он часто подмечал неточности и доказывал, что в реальной действительности так не бывает. Хорошо помню, что мне никак не удавалось убедить Прокопия Петровича в том, что лев — самый сильный зверь. Эвенк стоял на своем: самым сильным зверем должен быть слон, а со львом и медведь управится!

Неизменное отвращение у старика вызывали обезьяны, которых он почему-то возненавидел, и я старался выбирать такие книги, в которых не было бы рисунков, изображавших обезьян. Помню, как-то я специально для него принес книжечку, в которой описывались различные породы собак. Прокопий Петрович, тщательно изучив рисунки, сделал вывод, что для охоты в тайге пригодна только лайка и, возможно, красивый сеттер, все же остальные, по его мнению, «никуда не годятся».

Познакомившись с картинами природы других широт, старик нашел, что его родные хвойные и березовые леса куда приятнее и лучше, чем роскошные тропические джунгли, а чум, построенный среди лиственниц, несоизмеримо удобнее и привлекательнее роскошного особняка среди тенистого парка.

Вскоре обнаружили такие качества старого эвенка, которые могут оказаться читателю прямо-таки неправдоподобными.

В передней комнате нашей избы висели стенные часы с боем. Прокопий Петрович сперва не понимал их назначения, а при резком отсчете времени нередко вздрагивал. Однажды он спросил у отца о назначении этой странной «машины», в которой неведомая сила день и ночь рассказывает «круглую медную бляху». Отец рассказал в общих чертах о строении механизма, хотя и сам-то плохо в нем разбирался. Прокопий Петрович быстро понял суть дела, но самое интересное заключается в том, что он и сам почти безошибочно чувствовал время и определял его в любое время суток с невероятной точностью. Расстояние между цифрами на циферблате в пять минут он называл «переходами». Бывало, спросят его на улице: «Сколько сейчас времени?» — «Без трех переходов шесть» (т. е. без четверти шесть), — безошибочно ответит Прокопий Петрович.

Часов в деревне было мало, а радио, по которому можно было бы верить время, и вовсе не было. Часы, если они останавливались, стави-

ли по календарю, ориентируясь на время захода и восхода солнца. С появлением же такого точного «справочника», как Прокопий Петрович, эта проблема (по крайней мере для нашей семьи) значительно облегчилась.

Мне кажется, что эту особенность старого эвенка можно объяснить его необыкновенной наблюдательностью, умением подмечать, казалось бы, самые неприметные детали. У людей, проведших всю свою жизнь в глухой дикой тайге, выработалось особое умение ориентироваться в окружающей среде, в том числе и чувством времени. Прокопий Петрович обладал незаурядным умом, великолепно владел мастерством следопыта, которое передавалось из поколения в поколение.

Но, пожалуй, еще более удивительная история произошла с термометром. На открытой веранде нашего дома висел термометр, вероятно единственный на всю деревню. Прокопий Петрович вначале тоже не понимал назначения этого крошечного прибора и подолгу останавливался всматриваясь в ртутный столбик. Вскоре, однако, он без всякой посторонней помощи разобрался, в чем дело, и мог не только безошибочно определять температуру воздуха (не видя термометра), но и с непостижимой точностью предсказывать, какая температура будет на следующий день утром и вечером. Кстати, замечу, что зима в Трехречье крайне суровая.

Это был человек поразительной наблюдательности. Он не просто «читал» следы, что обычно умеет делать любой из его соплеменников. С ним был следопыт-психологом, совершенно захватившим мое детское воображение. Я до сих пор уверен, что это был человек необыкновенный, очень сожалею, что судьба не свела его с талантливым исследователем типа В. К. Арсеньева.

Присмотревшись к моим школьным занятиям, Прокопий Петрович узнал себе многое: часы начала и конца занятий, систему оценки знаний (5—это хорошо, 4—похуже, 3—так себе, 2—совсем никуда не годится). Он понимал, что если я вовремя («четвертый переход к двум») не возвращаюсь домой, то это означает, что меня наказали. Когда я из школы прибежал домой, а Прокопию Петровичу случалось видеть мои свежие следы во дворе или на ступеньках крыльца, он точно угадывал, какую отметку я принес сегодня домой. Можно предположить, что школьники, получившие пятерку, бегут домой «вприпрыжку», а с двойками, наоборот, идут крадучись. Но Прокопий Петрович каким-то образом узнавал, когда я приносил тройки, четверки, и притом всегда безошибочно. Именно здесь, как нигде, сказывался в нем следопыт-психолог.

Многие дубовские ребята (в том числе и я) осенью и зимой увлекались ловлей косачей (тетеревов). Способы их ловли были очень эффективны, просты и доступны даже ребятишкам. Иногда мы прогуливали школьные занятия и вместо школы отправлялись в поле или в «наволоки» (так называли в Трехречье пойменные леса) осматривать настороженные ловушки. Пойманных в неурочное время тетеревов мы обычно относили китайским лавочникам и обменивали на сладости или медяки. Ко времени окончания школьных занятий мы стремились покончить со всеми делами и, забрав свои сумки, припрятанные в укромном местечке, смешиваясь с толпой школьников, возвращались домой.

Вечерами после подобного «прогула» я особенно усердно готовил уроки. Родители мои обычно ничего не подозревали. Другое дело старый эвенк. Он сидит рядом и вдруг таинственно скажет, растягивая слова: «Однако ты, паря, сегодня в школе-то совсем...ем не был». Как он узнавал? Может быть, замечал более чем обычно загоревшее лицо или находил на одежде соломинку или веточку? Так или иначе, для меня это до сих пор непонятно.

По следам человека он безошибочно определял его национальность, возраст, характер и даже настроение. По следу упряжной лошади он узнавал, тяжела ли была поклажа, насколько усталой была лошадь. Сле-

дов собаки было достаточно для определения ее охотничьих качеств, возраста. Я уже не говорю о следах зверей, в которых старый эвенк разбирался великолепно.

Мне никогда не забыть следующий случай. В наш огород повадились ходить соседские козы. Правда, дело было зимой, и в огороде ничего не росло, но козы безжалостно обгладывали деревья и без того небольшого садика при нашем доме. Мы с младшим братишкой Васей решили прочувствовать их и, поймав двух из них, отпилили каждой по одному ругу.

Сделали мы это очень осторожно, и наша проделка не была замечена даже Прокопием Петровичем. Закончился день, за ним прошел следующий, и мне стало казаться, что все обошлось хорошо: ни от своих, ни от соседей наказания не последует. На третий день в полдень мы со стариком возвращались из лесу (день был воскресный), и вдруг, подходя к воротам ограды, эвенк неожиданно заметил: «Однако пришла эта старуха (он кивком головы показал на соседский дом) и шибко-шибко сердита». Сердце мое учащенно заколотилось. И действительно, робко войдя в избу, я сразу же услышал: «Это ты с Васькой обезобразил моих коз, завтра же пойду жаловаться учительше!».

Много лет спустя мы с отцом разговаривали об этом случае. Он рассказал мне, что опытные эвенки, такие, как Прокопий Петрович, наткнувшись в лесу на след другого охотника, могут безошибочно определить, идет ли он охотиться или возвращается с охоты домой. При этом следопыты узнавали, удачной ли была охота, а зимой во время белковья даже ориентировочно определяли, сколько было убито за день белок. Подобное мастерство отец объяснял отличной памятью и наблюдательностью эвенков.

Во время совместных прогулок по лесу старый эвенк со старанием самого добросовестного учителя раскрывал мне тайны природы, учил «читать» следы зверей и птиц, повадки которых он прекрасно знал. Идем как-то по следу зайца, и Прокопий Петрович как по писаному читает: «Вот здесь заяц бежал совершенно спокойно, не чуя абсолютно никакой опасности. На опушке он на секунду остановился, «решив» пройти напрямиком через поле к месту кормежки. А вот здесь заяц испугался вороны, которая сидела вон на той ветке и неожиданно каркнула... Заяц изменил маршрут и пошел к месту кормежки лесом». Действительно, след зайца, едва он выскочил на чистое место, обрывался и уходил влево в заросли ольховника, а на одной ветке коряжистой осины, что стояла справа, несколько на отшибе, не было снега. Видимо, тут и сидела ворона.

Однажды солнечным морозным днем мы с Прокопием Петровичем и еще одним русским стариком отправились в «наволоку» рубить прутья для хозяйственных нужд. Однако в намеченном месте кто-то уже успел побывать. Эвенк сразу же определил, что утром сюда приходил паренек лет тринадцати, русский, из бедной семьи, в длинном козляке (тулупе), в косматой бараньей шапке. Путья он рубил для ловушек на косачей, но до конца дело не довел, так как у него сильно стали мерзнуть руки и ноги. Заметив наше недоумение, Прокопий Петрович, сделал следующее разъяснение (передаю его разъяснение своими словами):

— По величине следа видно, что ему 12—13 лет. Только русские, к тому же из бедных семей, зимой ходят в ичихах, а у этого ичиги еще и заплатаны, на левом носке образовалась дыра: видишь, стелька торчит. Да и рукавицы плохие, все в заплатах, это видно по отпечаткам на оставленном пруте. Когда он рубил, то слегка нагибался, и на снегу остались следы от кромок тулупа. Хорошо видно, что тулуп козий, так как отпечатки шерсти очень короткие (шерсть дикой козы гораздо короче шерсти домашней овцы). Он зацепил шапкой ветку, и она упала. Вот ее след, на котором хорошо видны тонкие мазки от длинной бараньей шерсти, а на суку остался небольшой клочок. Путья он выбирал ровные, толщиной в палец, а именно такие идут на изготовление ловушек. Здесь у

него вывалилась стелька (он показал на мятый клочок сухой травы), ноги у парня начали мерзнуть, и, забрав нарубленные прутья, он поспешил домой. По числу срубов видно, что прутьев для изготовления ловушки не хватит.

Безо всякого труда я узнал в описываемом мальчишке своего ровесника, который жил на противоположной стороне улицы недалеко от нашего дома. По известным только одному ему признакам эвенк сумел подметить, что ичиги на мальчишке шиты грубой, не протертой варом драгвой, а топор его тяжел и давно не точен.

О мастерстве Прокопия Петровича как охотника рассказывали целые легенды, и это в то время, когда каждый эвенк был отличным охотником, да и русские в тех местах почти не уступали эвенкам в своем мастерстве.

Интересно, что в 1901 г., когда у трехреченских эвенков в результате эпизоотии погибло все поголовье оленей, и охотники, лишившись транспорта, были вынуждены несколько лет жить в русской деревне, пока русские власти не помогли им снова обзавестись оленями, Прокопий Петрович сумел приручить двух лосей и продолжал оставаться в тайге. На сколько мне известно, это была единственная попытка (причем весьма удачная) использования трехреченскими эвенками лося для хозяйственных нужд. Прокопий Петрович рассказывал, что лоси оказались очень выносливыми и сильными, но в то же время чрезвычайно ленивыми животными. От чума они никуда не отходили, и стоило оставить стойбище без присмотра взрослого человека, как лоси разбивали поты (сумы) пожирали муку, хлеб, соль и другие продукты. Поэтому, когда с Амура были получены новые олени², Прокопий Петрович поспешил немедленно избавиться от лосей, сослуживших ему неплохую службу.

Память моя сохранила несколько рассказов об охотничьей удаче моего старого друга. Вот один из них.

Зима 1923 г. в районе реки Быстрой, где кочевала семья Прокопия Петровича, ознаменовалась необыкновенно ранним и очень глубоким снегом. В тайге появилось много волков. Они бродили большими стаями, безжалостно истребляя стада изюбрей и козуль. Нередко жертвой хищников становился и сохатый — могучий хозяин тайги. Лоси, спасаясь от волков, ушли высоко в гольцы (высокие сопки с безлесными вершинами в верховьях рек и на водоразделах), где снега было мало, изюбри же держались ближе к неприступным скалистым местам и в случае нападения хищников спасались высоко на утесах, так называемых «отстоях».

Плохо приходилось эвенкам в ту зиму. Олени с трудом добывали корм и сильно ослабли, к тому же их приходилось оберегать от хищников. Голод и разорение грозили семьям охотников.

Прокопий Петрович преследовал стадо изюбрей вместе с волками. Волки были справа, слева и спереди, и эвенку временами казалось, что он и сам превратился в волка. Хищники разрывали ослабевших животных на глазах у охотника, скользившего мимо них на своих широких лыжах, и обращали на него мало внимания. Наконец, Прокопий Петрович дошел до отстоя, куда в надежде найти спасение с трудом забрались остатки стада. Охотник избрал удобную позицию и с одного раза снял семнадцать зверей. Такого в истории охоты эвенков никогда не бывало. Разложив несколько больших костров около убитых животных, чтобы спасти их туши от хищников, эвенк забрал наиболее ценные рога (они еще не опали), вернулся к стойбищу и попросил всех мужчин помочь ему вывезти богатую добычу. На обратном пути было убито несколько волков.

² См. А. М. Кайгородов, Эвенки в Трехречье, «Сов. этнография», 1968, № 4.

Вспоминая этот случай, Прокопий Петрович не столько хвалился удачной охотой, сколько тем, что спас многие семьи от неминуемого голода.

В декабре, когда эвенки вышли к деревне, отцу с большим трудом удалось уговорить старика переждать морозы и не возвращаться в тайгу. Уж очень скучал старик по родным стойбищам, по оленям. Он с нетерпением ждал марта, когда эвенки снова выйдут за товарами и охотничьим снаряжением. Здоровье его между тем несколько улучшилось.

В марте он сказал отцу, что побудет с родными несколько дней, а затем снова вернется в деревню. Однако он не выполнил своего обещания и ушел в тайгу. Летом мы узнали, что Прокопий Петрович умер еще в мае и похоронен у подножия самой высокой горы бассейна р. Быстрой — гольца Окольдой.

Я долго хранил искусно сделанный моим другом пенал для ручек и карандашей. В нем было много отделений, в том числе одно потайное, куда я клал мелкие монетки. На одной стороне пенала каленой иглой были выжжены моя сельская школа и я, бегущий с сумкой. На другой стороне выжжен чум, около которого пасутся олени, а около костра стоит сам Прокопий Петрович. Изображения были сделаны с высоким мастерством, и я очень жалею, что этот пенал не сохранился.
